

Санкт-Петербург

БЫЛОЕ

С разными людьми сводили меня журналистские пути-дороги за полвека. Вышел я на них однажды и на Рину Зеленую, чтобы взять у нее интервью для журнала «Советская эстрада и цирк». Теперь он, как и многие другие «отраслевые» издания, уже не существует. Оказался, видимо, нерентабельным, потому как в новых рыночных отношениях потребность в критике и анализе искусства отпала и требуются лишь реклама да косноязычный панегирик тоже, разумеется, за личный презент автору. Но это так, к слову.

Рина Зеленая умела видеть и воплощать впечатления в слово, яркое, образное, выразительное. Мне как журналисту это стало ясно с первых же минут нашего разговора. Тогда я понял и другое: почему она заранее предупредила, когда договаривался с ней о встрече:

- Только учтите, я интервью давать не умею. Когда мне под нос суют микрофон, скованность свою не могу преодолеть, начинаю заикаться и говорю не то, что хотела бы.

Я по простоте душевной решил, что это только женское кокетство, и магнитофон на всякий случай все-таки с собой захватил. Однако воспользоваться им так и не пришлось. Рина Васильевна не дала даже вынуть его, но и записывать в блокнот то, что она говорила, оказалось трудно. Отвлекала живость и неординарность ее речи. В конце концов я отложил блокнот в сторону, просто слушал и время от времени только задавал вопросы. Вернувшись домой, воспроизвел по памяти и свежим следам наш разговор. И вот теперь то, что сохранилось в журналистском блокноте, попытался воспроизвести.

В недавние сентябрьские дни, когда Россия чествовала Зиновия Гердта с его 80-летием не только потому, что он при нынешнем стремительном падении продолжительности жизни, особенно мужчин, сумел дожить до столь почтенного возраста, а как поистине выдающегося артиста, прекрасного человека и гражданина. Я вспоминаю сказанное о нем не менее знаменитой артисткой Риной Зеленой:

- Впервые я узнала о нем, когда побывала на спектакле «Обыкновенный концерт» в театре С. Образцова, в котором он играл, озвучивая кукол. С тех пор полюбила его, навсегда ставшего моим другом. Он, как и я, коллекционирует характеры. Только он - взрослых, а я детские... Зиновий Гердт - комедийный актер, беззаветно поверивший в безграничные возможности кукол и потом никогда не изменявший им, как и вообще ничему и никому в жизни. Это вызвало преклонение. Ведь он рисковал своей актерской судьбой.

Люблю его манеру двигаться даже при сильной хромоте из-за тяжелого ранения на войне. В то «знаменитое» время разоблачения врачей, которых журналистка Ольга Четверкина назвала убийцами в белых халатах, и гнусной борьбы с так называемыми космополитами я как-то сказала Зиновию Ефимовичу: тебя оскорбляют, унижают, ущемляют. Я, конечно, понимаю, что в этой ситуации тебя выручают куклы. Другие ваши плюнулы на все и уехали, а ты все терпишь...

Рина Васильевна минуту помолчала, а затем сказала:

- Зиновий Гердт - живое воплощение слов Маяковского: «Землю, с которой вместе мерз, вовек разлюбить нельзя», «Землю, с которой вдвоем голодал, нельзя никогда забыть».

Должен заметить, что впервые увидеть Рину Зеленую мне довелось вовсе не на сцене. Было это на стадионе «Динамо», который прежде находился на Петровке. Зимой его заливали под каток, и сюда ходили обитатели центра Москвы. В тот день она каталась на коньках вместе с Игорем Ильинским, а его-то я знал прекрасно по фильмам. Только позже, узнав Рину Зеленую как артистку, понял, с кем Ильинский был тогда на катке.

Он выделялся перед ней невероятные «антраксы», рисуя на льду тройки и восьмерки. Это считалось в ту пору большим шиком. Впрочем, и она тоже не отставала, судя по всему, прекрасно владея этим видом спорта. Я в ту пору был подростком и только много позже понял, что Игорь Ильинский, ставший тогда уже знаменитым артистом благодаря кино, хотел поразить воображение явно симпатичной ему молодой и веселой женщины - хохотушки со звонким голосом.

Я напомнил Рине Васильевне о тех далеких днях.

- Спорт всегда был моим увлечением и слабостью, - ответила она. Я занималась гимнастикой, обожала греблю и мечтала о скифе.

Ничуть не сомневаюсь, что именно занятие разными видами спорта сделало Рину Зеленую многогранной артисткой, прекрасно владеющей не только словом и голосом, она ведь и пела, но и телом. Она отлично танцевала, например, чарльс-

тон. По ее собственному выражению, как бешеная. А для этого требуются хорошая физическая подготовка и чувство ритма.

- И еще моим увлечением был бильярд, - сказала Рина Васильевна. - Однажды даже играла с Маяковским в «американку».

- Очень интересно, расскажите, как это было.

- Помните, он где-то в стихах заметил: «Мне бильярд - отращиваю глаз, шахматы ему - они вождам полезней». Он имел в виду зоркость и точность поэтического взгляда. Так вот он играл на бильярде виртуозно. Мне с ним играть довелось в Ялте, когда я с группой артистов приехала на гастроли в Крым. Вообще-то мы познакомились с Владимиром Владимировичем еще в Москве, в Политехническом музее, где он вы-

только по пропускам. Все было оцеплено милицией. Сидела в зале, забившись в уголок, лицом к стене и плакала. Слезы лились непрерывно. Мне казалось, что стыдно не плакать.

Рине Зеленой довелось жить в одно время со многими известными людьми. Свое мнение она имела о М. Горьком, А. Толстом, Н. Островском, П. Бажове, О. Шмидте, Кукрыниксах, В. Чапове, К. Чуковском, М. Плисецкой, В. Коккинаки. В каждом из своих современников сумела увидеть то, что оставалось неведомо никому до нее.

- У Юрия Никулина детские глаза. И он человек необычайно добрый. Всем, кто к нему обращается, помогает, даже лекарство достает. Карандаш - великий клоун. Он своего рода Станиславский в цирке, играть на арене цирка не то что на сцене в

цифра». От Волоколамска до Сталинграда, на кораблях, в горящем Севастополе. Поляны, землянки, госпитальные палаты, санитарные поезда заменяли нам концертные залы. Ездить здесь приходилось и верхом, и на бронетранспортерах. Настоящий экзамен на физическую выносливость и ловкость. Мы не знали, что такое усталость. Если бы не спорт, лично я, наверное, не выдержала бы тех нагрузок.

- Об одном таком концерте, в котором вы, Рина Васильевна, участвовали, я узнал от своего дяди А. С. Окунева. Он прошел всю войну от первого до последнего дня, через Сталинград. Ваша группа после выступления осталась ночевать. Ночью разразилась гроза, и от грома все проснулось и выскочило из палаток, решив, что рвутся снаряды. Но солдат, стоявший на часах, объяснил: это не взрывы, это - гроза, и сверкает молния. Вы тогда воскликнули: какое счастье, что есть гроза, созданная природой.

- Действительно, такое было, - сказала Рина Васильевна. - Надо же! Вот уж действительно - мир тесен! И какое это счастье, что в Москонцерте есть замечательный энтузиаст М. А. Лунгин, который собирает и бережно хранит все, что связано с историей нашей славной эстрады. Я убеждена, что потомки будут ему за это безгранично благодарны. Ничто не должно пропасть из нашей жизни бесследно.

Рина Зеленая вглядывалась в окружающее пристально, внимательно, как и ее юные герои, которых она изумительно озвучила на эстраде, раскрывая нам, взрослым, их богатый и своеобразный внутренний мир, полный прекрасных неожиданностей. Не будет преувеличением сказать, что благодаря именно ей мы увидели и поняли, что наша детвора не так проста, как принято было считать прежде. Более того, с их помощью артистка как бы помогла нам увидеть окружающее по-новому, образно и в неожиданном ракурсе. Надо только уметь услышать ребенка и вдуматься в то, что он говорит. Она по крупицам собирала словечки детей, их чувства, неожиданные восприятия мира взрослых и окружающего. Именно благодаря Рине Зеленой я сумел по-настоящему оценить слова собственного сына, который однажды, обидевшись на меня за что-то, сказал в сердцах: «Ты не лапка, ты - портфель».

Разговор, естественно, зашел и об эстраде. О прошлой она сказала:

- Гастроли артистов имели просветительную цель, а не развлекательную исключительно, как сейчас. Каждый вносил свою лепту, какую мог, в зависимость от своего жанра. И певцы, и танцоры, и чтецы. То, что артисты делали на сцене, было поучительным и развивало интеллектуально, эмоционально, эстетически. Даже акробатика вселяла в человека веру в самого себя, показывала, каким он может быть ловким, сильным, смелым. Артисты Москвы и Ленинграда ездили по всей стране и читали отрывки из произведений Лескова, Толстого, Чехова, Бабеля, и это повышало культуру людей, пробуждало интерес к настоящей литературе. К сожалению, сейчас этот жанр, который мы между собой называли «чтением вслух», фактически исчез, а ведь произведения русских писателей так необходимы для интеллектуального развития и воспитания культуры слова и речи. Люди осваивают новую технику, почти фантастическую, овладевают современными профессиями, а остаются, увы, неинтеллигентными, не умеющими даже грамотно изъясняться на русском языке, а ведь он так красив! Говорят: сымем, ложить, начать, ротом и т.п. Это ведет к полуграмотности во всем.

Рина Васильевна словно предвидела нынешнее бытие.

Меня, как многих других, интриговала необычность ее имени и фамилии - Рина Зеленая. Считал это сценическим псевдонимом. Каково же было удивление, когда на мой вопрос Рина Васильевна ответила:

- Мою фамилию и в самом деле часто принимают за псевдоним, а другие более осведомленные в истории России спрашивают: не родственница ли я одесского градоначальника Зеленого? У отца по этому поводу были в свое время осложнения. Ему пришлось доказывать свое пролетарское происхождение, чтобы не попасть в число лишенцев, как тогда называли бывших, если их оставляли на свободе до поры до времени, до 37-го года. А вот имя у меня и в самом деле не настоящее. Производное от того, которое дали при рождении - Екатерина. «Рина» родилось случайно. Когда писали афишу, «Екатерина» не уместилась. Вот и ограничились «Риной».

Рина, может быть, на афише и не уместилась, а вот в сердцах и в памяти россиян для этой прекрасной артистки навсегда нашлось место.

Илья ОКУНЕВ.

ВСТРЕЧА НА СТАДИОНЕ

ступал в лектории с чтением стихов. Его низкий голос отличался неповторимым тембром. И держался он удивительно, был полон достоинства и спокойствия. Желаящих попасть на его вечера всегда было много.

Маяковский был чрезвычайно брезгливым. Помнится такой комичный эпизод. Когда он однажды выступал в Доме печати с чтением «Бани», то первое, что сделал, выйдя на сцену и подойдя к столу, на котором стоял графин с водой, это взял в руку стакан, посмотрел его на свет и, вынув из кармана носовой платок, стал им старательно его протирать. Какая-то дама крикнула из зала:

- От платка чище не будет!
- Смотря от чьего, - мгновенно парировал Маяковский.

Теперь, когда встретились в Ялте, он пригласил вместе прогуляться. Шел он большими, как потом где-то образно выразился, «семимильными шагами», а я, стараясь идти с ним в ногу, семенила рядом, чтобы не отставать. С его стороны это, как я потом поняла, вовсе не было бестактностью, он был очень деликатным человеком. Так он тогда отбивал ритм рождавшихся в нем стихов. Ведь он сочинял их чаще всего, когда ходил, просто гуляя. Садился он за стол только чтобы записать уже сочиненное.

- Может, зайдем в бильярдную, - предложил Маяковский. Я, разумеется, не возражала. Здесь он мог бы выбрать себе маститого партнера, но ко всеобщему удивлению предпочел меня и поставил условие: Рина должна положить 2 шара, а я - 13. Словом, любезно дал мне фору. Я разбила пирамиду, и шары разлетелись по всему столу. Маяковский играл левой рукой и клал шары в лузы один за другим. Я решила, что исход игры предreshen, но вдруг он сделал промах. Наступил мой черед. Я берусь за кий, мелю его и, подавив внутреннее волнение, кладу два заветных шара. Смотрю виновато на Маяковского. Он улыбается - явно доволен таким исходом. По другому условию, тоже заранее предложенному им, он в случае моей победы выставил всем присутствующим по бутылке вина...

Раз уж мы заговорили о Маяковском, заметил я, то и у меня есть что вспомнить. Когда он умер, мне было 7 лет. Мы жили тогда в Трубниковском переулке, который выходит на Поварскую напротив Союза артистов. Я тогда уже знала его стихи для детей и, услышав по радио о смерти Маяковского, побежал к Дому писателей. Там стояла огромная толпа. Меня, конечно, нигде не пустили, а от родителей потом здорово попало...

- Я была тогда там, - сказала Рина Васильевна. - Пускали

театре. И эту новую систему игры разработал Карандаш.

До Майи Плисецкой не было ничего подобного, и пройдет много лет, но такой второй все равно не будет. Такой - никогда.

Из разговора выяснилось, что у нас с Риной Васильевной есть общие знакомые. В том числе Раиса Порфирьевна Островская, жена писателя.

- Она заслуживает поклонения за ее преданность, верность и самоотверженность, - сказала Рина Васильевна. - Она - настоящая русская женщина, эта «милая Рая», как обращался к ней в письмах Островский, призывая быть веселой, энергичной и упорно учиться.

Впервые я увидела ее в 1936 году, когда меня пригласили в гости к Николаю Островскому. Я читала ему стихи молодого С. Михалкова, и он спросил: в каком классе учится эта девочка? Это было для меня, артистки, высокой похвалой. Когда же Островскому сказали, что я вовсе не девочка, он заинтересовался моей творческой биографией и спросил, как меня принимают дети. Николай Островский был человеком величайшего мужества, с неоспоримой судьбой. Своим примером он воспитал поколения граждан и героев труда и войны.

Я же познакомился с Раисой Порфирьевной будучи студентом филфака МГУ, когда писал дипломную работу о романе «Рожденные бурей». Она помогла мне получить все четыре варианта рукописи, по которым можно было судить, с какой тщательностью писатель работал над словом, композицией, лепкой образов.

В числе наших общих знакомых оказалась и жена Бориса Брунова - «прекрасная Машенька». Я знал ее еще в ту пору, когда она была одной из манекенщиц в Доме моделей. Я работал тогда над книгой «Искусство красивой одежды», которая вышла в 1958 году и фактически положила у нас начало литературе такого рода. Мне довелось видеть тогда Машеньку на «языке» Дома моделей, как называется помост, на котором манекенщицы демонстрируют новые модели. Она была действительно очаровательна. Художники-модельеры считали за счастье шить именно на нее. Знали, что модель в ее «исполнении» станет еще краше. Она владела этим искусством в совершенстве, как никто. Тогда-то на нее и «вышел» Борис Брунов ну и, конечно, с ходу влюбился...

С волнением рассказывала Рина Васильевна о концертах фронтовых бригад в годы Отечественной войны. «Их было столько, что, если подсчитать, получится астрономическая